

Рэнъя Карасума — хотя в те годы он ещё не носил этой фамилии — вырос на маленьком затерянном в море островке. Он не помнил своих родителей; старожилы говорили, что они ушли из жизни слишком рано. Мальчик выжил лишь благодаря заботе и милосердию простых, простодушных сельчан.

Сиро Куросава, его лучший друг, делил с ним ту же сиротскую долю — они оба кормились у чужих порогов.

Никто не знал почему, но в деревне уже очень давно не рождались дети. Возможно, виной тому была глухая изоляция и отсутствие мало-мальски обученных лекарей. Многие младенцы умирали ещё в утробе матери, а те немногие, кому посчастливилось родиться на свет, угасали в первые же годы жизни. Самый крепкий из них, сумевший перешагнуть порог младенчества, погиб нелепой смертью — его унесло шальной волной во время игры на побережье.

Так и вышло, что среди сверстников на всём острове остались только они двое — Рэнъя и Сиро. Все остальные обитатели деревни давно вошли в пору зрелости.

Из этих двоих Рэнъя пользовался особенной любовью: едва ли не в каждом доме его привечали как родного сына.

С одного взгляда на Сиро Куросаву становилось ясно, что в его жилах течёт чужая кровь. Старейшины говорили, будто мальчика выбросило на берег приливом. Его приютили из жалости, делились куском хлеба, но серебристо-белые волосы внушали людям смутную неприязнь, а потому особой ласки он не знал.

Рэнъя втайне гордился своим положением. Мальчишкам его возраста свойственно тщеславие, и мысль о том, что его любят больше, приятно щекотала самолюбие. И всё же Сиро он считал своим самым близким другом — искренне и преданно.

И дело было не только в том, что делить досуг ему было больше не с кем.

В их годы подростки часто мучаются от необъяснимой пустоты в душе, от щемящего чувства чуждости всему миру и бунтарского желания доказать свою значимость. Даже весёлый, обласканный вниманием Рэнъя не миновал этой участи.

Это духовное родство сближало их сильнее любых уз. Обоим казалось, что взрослые вокруг — дремучие глупцы, не способные понять очевидных вещей.

Даже имя «Сиро» мальчик получил с подачи друга. Поначалу Рэнъя звал его просто Сяо Бай, но тот упрямо дулся, уверяя, что так зовут только собак. Собственно, собак на острове отродясь не водилось, о них ребята знали лишь из редких передач по старому телевизору. Чтобы подобрать звучное имя, они провели немало часов, листая пыльные книги и ломая головы, пока наконец не сошлись на «Сиро Куросава».

В то утро Рэнъя проснулся от грохота: за окном бушевала гроза, ставни жалобно дребезжали под порывами шквального ветра. Свинцовое небо изливало потоки воды, заглушая голоса птиц, а в воздухе стоял густой, почти осязаемый запах озона и мокрой соли. Почуввав неладное, мальчик сорвался с постели и выскочил на улицу.

Накануне вечером, томимый неясной тоской, он допоздна бродил по песчаной косе и наткнулся на распростёртое на песке тело. Конечно, его друг Сиро тоже когда-то явился из моря, но их клочок земли лежал так далеко от судоходных путей, что корабли обходили его стороной. Живой человек, выброшенный прибоем, казался чем-то немыслимым — за всю жизнь Рэнъя слышал лишь об одном таком случае. Осознав, что стал свидетелем настоящего чуда, он задохнулся от восторга и бросился к незнакомцу. Перевернув его на спину, мальчик собирался оттащить беднягу к себе домой.

Однако, заглянув в лицо спасённого, он оцепенел от испуга. Незнакомец носил странную вуаль, сквозь которую слабо просвечивали полуприкрытые веки. Измученный мужчина едва слышно прошептал: «Пожалуйста... помоги мне...» — и снова провалился в беспамятство.

Но напугало Рэнъя не это. Откинув край мокрой ткани, он увидел то, что заставило его сердце уйти в пятки: у чужака были смоляные, чернее обсидиана, волосы и молочно-белые, похожие на речной жемчуг, глаза.

На острове с незапамятных времён чтили суровое табу: любого чужака с тёмными волосами и серебристо-белыми глазами следовало предать смерти безо всякой жалости, ибо в таком обличье являлись людям злые духи. Существовали и другие запреты: сельчанам запрещалось пить хмельное — считалось, что вино туманит разум и впускает в душу скверну, а карканье ворон почиталось за вестников преисподней.

Рэнъя хоть и бунтовал порой против воли старших, обзывая их страхи глупыми суевериями, всё же вырос в этой глуши и втайне верил запретам. При виде этих странных глаз его первым чувством стало восхищение — столь сильное, что оно на миг затмило ужас. Но следом за ним навалился груз вековых предрассудков, и восторг уступил место леденящему страху перед выходцем из иного мира.

Сперва он порывался столкнуть незнакомца обратно в прибой, чтобы море само забрало его жизнь, но тут перед глазами встало лицо Сиро. Сиро Куросава из-за своей необычной внешности тоже прослыл среди соседей изгоем. Что, если бы много лет назад его, беззащитного младенца, точно так же бросили тонуть в холодных волнах? Рэнъя лишился бы единственного друга. К тому же этот человек, в отличие от Сиро, попавшего на остров дитятей, помнил жизнь за пределами их клочка суши. Для мальчишки, запертого в глухой деревне, это было немыслимым сокровищем. Да и сама мысль о том, чтобы прослыть героем, спасшим умирающего, кружила голову.

Поколебавшись, Рэнъя решился на отчаянный шаг. Вести чужака в деревню было нельзя, поэтому он оттащил его в грот у самой кромки воды — их тайное с Сиро убежище, куда никогда не заглядывали взрослые.

Но теперь, когда разразился шторм, грот наверняка заливало. Если бедняга до сих пор без сознания, он просто захлебнётся, и все труды пойдут прахом. Рэнъя проигнорировал оклик соседки, хлопотавшей во дворе с первыми лучами солнца, и со всех ног помчался к побережью.

Когда тяжело дышащий мальчик прибежал к обрыву, его худшие опасения подтвердились: прилив заполнил пещеру почти до самого свода. Идти в бушующие волны он не отважился. Вокруг не было ни души, утренние сумерки едва рассеялись, а вода продолжала прибывать. Рэнъя решил, что несчастный погиб, унесённый течением во сне, и раздосадованно вздохнул.

«Зря только спину надрывал! Проще было сразу его в море утопить!»

Но стоило ему развернуться, чтобы уйти, как из полумрака донёсся негромкий, хрипловатый, но очень вежливый голос:

— Это ты спас меня вчера?

— Кто здесь?! — вскрикнул Рэнъя, испуганно оборачиваясь.

И нос к носу столкнулся с чужаком, чьи серебристо-белые глаза мерцали в полумраке.

Боль терзала его тело. Каждое движение, каждый вдох отдавались невыносимой, тупой мукой, словно кости внутри дробились в мелкую крошку и впивались в плоть. Со временем это изнурительное страдание притупилось, разум онемел, отказываясь воспринимать новые удары. Память подёрнулась зыбкой дымкой. А-Эр сомневался, что смог бы сохранить рассудок, если бы не невидимая нить, связывающая его с каждым новым земным воплощением Сабору Годзё. Лишь возможность время от времени возвращаться к нему и проживать рядом простые, спокойные дни спасала его от полного безумия.

Неужели тот самый, первый Сабору Годзё, встреченный им на заре веков, предвидел этот исход, когда велел ему искать каждое своё перерождение? Каким же поразительным человеком он был...

Сколько веков миновало с тех пор? Пожалуй, не меньше тысячи лет.

В первые столетия своего бесконечного пути он ещё пытался разыскать старых знакомых — А-Си и Кэндзяку. Но Кэндзяку вскоре после его ухода бесследно исчез, сокрывшись в тених истории, так что напасть на его след больше не удалось. А-Си же осталась среди людей. Она сделалась сильнейшим магом своего времени, а позже благодаря технике бессмертия и непревзойдённому искусству возведения барьеров заслужила великое имя — Владыка Тэнгэн.

Конечно, поиски занимали его разум лишь первые несколько сотен лет. Позже, когда держать

рассудок под контролем становилось всё тяжелее, А-Эр забросил былые заботы. Его существование поддерживалось проклятиями Сабору Годзё и Наоя Дзэнъина, но даже этот неисчерпаемый, казалось бы, источник сил со временем иссяк. Дряхлеющая оболочка едва держалась. В последние десятилетия он ослаб настолько, что не мог одолеть даже ничтожное проклятие, а недавняя оплошность и вовсе едва не стоила ему жизни, когда бурный прилив унёс его в море.

Но А-Эр не унывал. Будучи проклятым духом, повелевающим самой жизненной силой, он сохранил козырь в рукаве. За тысячу лет он накопил достаточно проклятой энергии, чтобы в миг, когда эта изношенная плоть окончательно рассыплется прахом, сотворить себе новое, чистое тело.

— Учитель! — в грот, сияя от гордости, ворвался вчерашний спаситель, ведя за собой ещё одного мальчугана. — Познакомьтесь, это мой лучший друг Сиро!

«Сиро?» — мысленно усмехнулся А-Эр. Неужели и в этой глуши отыщется свой поборник справедливости?

— Учитель, у вас такое забавное лицо! Чего вы так смотрите? — рассмеялся Рэнъя.

А-Эр перевёл взгляд на гостя. У мальчика были удивительные, редкие для здешних мест серебристо-белые волосы и глубокие, цвета лесной хвои, зелёные глаза. При виде незнакомца Сиро сжался от испуга и еле слышно прошептал:

— И правда... чёрные волосы и белые глаза.

А-Эр питал слабость к зеленоглазым людям. Поправив вуаль, чтобы изуродованное шрамами лицо не напугало ребёнка, он мягко улыбнулся и заговорил певучим, ласковым голосом:

— Здравствуй, Сиро. Моё имя... Мокша. — Имя это было лишь одним из сотен прозвищ, сменённых им за века, ведь вечно зваться Сидзукой Годзё он не мог. — Называй меня просто Мокшей. Или, если хочешь, можешь звать учителем, как это делает Рэнъя.

Шутливый тон смутил мальчика, его щёки густо порозовели. Он робко взглянул на А-Эр и, запинаясь, выдал из себя:

— У-учитель...

Почувствовав себя неловко — словно он обидел невинное дитя, — А-Эр присел перед ним на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— Ну полно, прости мне мою глупую шутку. Называй меня так, как тебе самому по душе, хорошо?

Сиро сначала кивнул, затем замотал головой и, окончательно оробев, тихо проговорил:

— Учитель... Рэнъя сказывал, что вы знаете много дивных историй. Я бы тоже очень хотел послушать.

А-Эр тихо рассмеялся и притянул обоих мальчишек к себе.

— Что ж, тогда сегодня я поведаю вам легенду об Икаросе...

После того как А-Эр пришёл в себя, Рэнъя отыскал для него другое пристанище — сухую пещеру на крутом склоне, куда не добиралась вода во время приливов. Наносил туда охапки сухой соломы, обустроив вполне сносный ночлег. Разумеется, это скромное убежище не шло ни в какое сравнение с роскошью Клана Годзё, но после долгих лет скитаний казалось А-Эр истинным раем.

Рэнъя то и дело донимал его расспросами о дальних странах, и А-Эр в благодарность за спасение послушно удовлетворял его любопытство. Он пересказывал мальчику притчи и древние мифы — те самые, которыми когда-то развлекал А-Си, Кэндзяку и Сабору. Слушая эти предания, Рэнъя замирал, его глаза загорались восторгом. Всякие глупые деревенские запреты мигом вылетали у него из головы, а сам загадочный гость казался ему сошедшим на землю божеством.

Впрочем, развлекаая детей рассказами, А-Эр исподволь выводил у них тайны этого уединённого места. За века странствий он научился читать людей как раскрытые свитки, а уж выведать секреты у доверчивого мальчишки и вовсе не составляло труда. Рэнъя без утайки выложил ему всё: и про мрачные законы острова, и про причины, по которым чужаку заказан путь в деревню.

Мальчик искренне любил своих соседей, но бунтарский дух брал своё. Они с Сиро часами просиживали перед ветхим шипящим телевизором, грезя о далёких сияющих городах, а доброта А-Эр окончательно убедила Рэнъя, что сказки про «черноволосого демона» — не более чем выдумки пугливых стариков.

В отличие от бойкого Рэнъя, Сиро рос нелюдимым и замкнутым. Когда друг шёпотом признался ему, что прячет в пещере живого демона из древних суеверий, Сиро едва не лишился чувств от страха. Он искренне боялся, что Рэнъя околдован нечистой силой, а если старейшины прознают про их тайну, то не пощадят любимца общины. Пусть Рэнъя и баловали всей деревней, Сиро слишком хорошо помнил лица взрослых, когда те заговаривали о табу: глаза их стекленели, голоса становились чужими, словно в людей вселялся неведомый злой дух.

Не на шутку встревоженный, Сиро решил лично пойти в грот и встретиться с «чудовищем». Кто же знал, что мягкая, беззлобная шутка А-Эр мигом растопит его настороженность? Мальчик, росший сиротой и привыкший к вечному пренебрежению со стороны общины, отчаянно нуждался в тепле. Стоило кому-то проявить к нему искреннее участие, как его

сердце готово было раскрыться настежь.

Сиро не держал обиды на соседей за их холодность или слепую любовь к Рэнъя. Он понимал: его, безродного подкидыша, спасли от голодной смерти, и за одно это следовало благодарить судьбу до конца дней. Но детская душа всё равно тосковала по родительской ласке. Он обожал книги и предания, но на крошечном острове не было ни школ, ни наставников. Старый староста обучил их лишь грамоте, не имея возможности дать более глубокие знания, а уж красивых сказок от него и вовсе было не дожидаться.

И теперь, сидя плечом к плечу с А-Эр и впитывая каждое его слово, Сиро проникся к нему беспредельным почтением и, сам того не замечая, поведал гостю всё, о чём тот ни спрашивал.

Расспросы лишь укрепили подозрения А-Эр. Эта Богом забытая деревня таила в себе слишком много тёмных загадок, и ему безумно хотелось во всём разобраться. Но дряхлеющее, готовое вот-вот рассыпаться тело не позволяло пускаться в авантюры, и он вынужден был отказаться от этой затеи.

Спустя несколько недель Рэнъя и Сиро примчались к пещере, запыхавшись от быстрого бега. Мальчишкам не терпелось забрать своего наставника в деревню, но нарушить древнее табу они не смели. Всё это время они пытались вызнать у старших, откуда взялся запрет на черноволосых и белоглазых чужаков, надеясь отыскать лазейку. В своей детской наивности они полагали, будто мир устроен просто и подчиняется их желаниям. Но стоило завести разговор о проклятых демонах, как добродушные соседи мгновенно менялись в лице: их взгляды стекленели, наводя на ребят суеверный ужас.

Мальчишки спасались бегством, придумывая нелепые оправдания. И всё же они не сдались. Они продолжали расспросы, пока наконец старый деревенский староста не сжалился над ними. Он отвёл упрямых детей к заброшенному святилищу на окраине и показал древний наскальный рисунок.

Показать святилище самому А-Эр они не могли. К счастью, Сиро неплохо рисовал: он запечатлел увиденное на обрывке бумаги и поспешил обратно к пещере. Мальчик бежал так быстро, что дыхание его сбивалось, а в груди клокотал страх перед жутким откровением. Но он интуитивно тянулся к единственному взрослому, который подарил ему тепло.

— Староста сказал... — голос Сиро дрожал, когда он протягивал сложенный листок, — наши предки когда-то столкнулись с истинным демоном. И обличье его было в точности как ваше: черные как смоль волосы и белые, слепые глаза...

Ласково погладив сжавшихся от страха мальчиков по головам, А-Эр развернул рисунок. Набросок был неровным, сделанным дрожащей детской рукой, но очертания угадывались безошибочно. На бумаге был изображён мужчина в традиционном японском кимоно, чьи длинные тёмные волосы струились по плечам чёрным шёлком. На его лице играла безмятежная, едва заметная улыбка... но верхняя половина головы отсутствовала вовсе, словно снесённая страшным ударом клинка.

А-Эр почувствовал, как по спине пробежал холодок. Перед ним предстал его собственный портрет — воспоминание из той далёкой эпохи, когда банда безжалостных разбойников снесла ему пол черепа, но так и не сумела лишить его жизни.

<http://bllate.org/book/18335/1760503>